
Historia de España Alfaguara. Vol I. Angel Cabo, Marcelo Vigil, Cindicionamientos Geograficas. Edad Antigua, Madrid, Ed. Alfaguara, 1973

Рецензируемая работа представляет собой первый том семитомной истории Испании и содержит две части: «Географические условия» (стр. 1—170) и «Древность» (стр. 185—441).

Серия, очевидно, предназначена для широкого круга читателей, поэтому в рецензируемой части (рецензируется вторая часть, написанная М. Бихилем) мало ссылок

на источники и не слишком подробная библиография, включающая лишь основные труды по отдельным рассматриваемым в книге вопросам. Но, написанная одним из известных специалистов по истории римской Испании, она интересна тем, что подводит некий итог исследованиям прошлых лет, ставит и отчасти разрешает вопросы, обсуждавшиеся в эти последние годы. Особое значение его работе придает то обстоятельство, что он, как мы увидим далее, большое внимание уделяет туземным племенам, которые часто не принимались во внимание исследователями, ставившими на первый план романизацию Испании.

Часть, написанная М. Бихилем, делится на главы: 1. Доисторические эпохи; 2. Колонизация и Тартесс; 3. Доримские племена; 4. Завоевание Иберийского полуострова Римом и проблема романизации; 5. Демография и средства сообщения в римской Испании; 6. Экономическая организация в римской Испании; 7. Римско-испанское общество; 8. Политическая жизнь в римской Испании. Как мы видим, работа строится по принципу рассмотрения отдельных проблем, а не в хронологическом порядке, который, однако, выдерживается в каждой главе, поскольку автор постоянно старается проследить, как развивались те или иные явления и институты на протяжении рассматриваемого периода.

Очень кратко М. Бихиль характеризует Испанию эпохи палеолита, неолита и бронзы и переходит к рассмотрению колонизации полуострова финикийцами, карфагенянами и греками. По его мнению, греки и финикийцы стали появляться на южном побережье полуострова и торговать здесь примерно одновременно, в VIII в. до н. э., что подтверждается археологическими раскопками. Он отрицает принятую у древних авторов дату основания (1100 г. до н. э.) Гадир-Гадеса финикийцами, так как до VIII в. они не селились там и появлялись лишь эпизодически. К V в. до н. э. финикийцы были вытеснены карфагенянами, основавшими Ибицу на Балеарских островах и гораздо более активно, чем финикийцы, отстранявшими греков от торговли в Испании. К ней их влекли в первую очередь богатые залежи металлов — золота, серебра, меди, свинца. После морской битвы при Алалии в 535 г. до н. э., когда греки были разбиты этрусками и карфагенянами, последние совсем оттеснили греков от торговли с Испанией и заняли там господствующее положение. Их колонизация носила по преимуществу коммерческий характер. Поселения карфагенян на побережье были невелики, рассчитаны на 500—1500 жителей, за исключением Гадир, где насчитывалось около 4000 жителей. Торговля с туземным населением была меновой и лишь впоследствии, когда некоторые пунические города стали чеканить монету, стала денежной. Интересен вопрос о том, повлияли ли финикийцы и пуны на культуру местного населения. Автор за отсутствием точных данных предварительно дает положительный ответ. В частности, он считает, что на юге полуострова под влиянием карфагенян в земледелии стал эксплуатироваться рабский труд, появлялись новые или совершенствовались старые сельскохозяйственные культуры, например испанского дрока, изделия из которого продавались по всему Средиземноморью.

Греки около 600 г. до н. э. основали на юге Испании свою колонию Эмпорион-Ампурис, через которую шла торговля металлами, преимущественно с Массилией. Вместе с тем вряд ли можно говорить о зоне монопольного владения и влияния греков или пунов. По полуострову повсюду были распространены греческие и финикийские изделия. Греки торговали с местным населением, расплачиваясь монетами, которые сперва чеканились в Малой Азии, а затем — в местных греческих поселениях — колониях Эмпорионе и Роде. Эти монеты находят не только в непосредственной близости к греческим городам, но и в более отдаленных районах, особенно в Каталонии и Аликанте.

Далее автор останавливается на дискуссии о времени основания и локализации Тартесса. Он отмечает, что, хотя вопрос, где именно находился Тартесс, не решен, известное суждение о том, что представляла собой его культура, уже может быть составлено на основании тех памятников, которые находят в районе от Хуэльвы до Картагены, подчинявшемся Тартессу. По данным древних авторов, можно было бы предположить, что в Тартессе существовала абсолютная теократическая монархия, сходная

с монархиями в Месопотамии и Египте. Но данные эти настолько неточны, что делать какие-либо решительные выводы невозможно. Твердо установлено, что Тартесс был крупным коммерческим центром, продававшим грекам и финикийцам металлы — как свои, так и приобретенные на Британских островах. Судя по тому, что потомки тартесситов, турдитаны, имели свою письменность, в Тартессе развилась довольно высокая культура. Это подтверждается и найденными в районе тартесситов изделиями VII в. до н. э., подражавшими греческим (в первую очередь кипрским), а также и финикийским. Видимо, иноземное влияние ускорило развитие местных племен, живших на юге и входивших в державу Тартесса, наибольшее могущество которой относилось к VI в. до н. э.; затем она распалась.

После потерь, понесенных карфагенянами в I Пунической войне, особенно усилился их торговый и военный интерес к Испании. Проводимая ими политика и привела к новому конфликту с Римом. В этом конфликте немалую роль играло соперничество между племенами, обитавшими на юге страны, и племенами, обитавшими вдали от моря. Первые поддерживали римлян, вторые — карфагенян. Племена восточного побережья, испытавшие сильное влияние греков и управлявшиеся состоящими из знати сенатами, склонялись к союзу с Римом. Сходная ситуация сложилась и к югу от реки Эбро. Эдетаны, управлявшиеся царьками, а также турдитаны заключили союз с Ганнибалом. И Рим, и Карфаген развивали в этом районе очень активную дипломатическую деятельность. Даже в Сагунте шла борьба между проримской и прокарфагенской партиями. Соперничество между племенами сыграло большую роль в нападении карфагенян на Сагунт, что было поводом к началу II Пунической войны.

Подводя итог результатам влияния греческой и финикийской колонизации на юге и востоке Иберийского полуострова, автор отмечает такие факты, как появление туземной письменности, частично заимствованной у иноземцев, освоение новых культур растений, внедрение рабского труда, уже раньше применявшегося некоторыми племенами в результате их внутреннего развития, внедрение новой техники в сельском хозяйстве и ремесле, например гончарного круга, появившегося в V в. до н. э., развитие городов, построенных по образцу античных городов, переход от меновой торговли к денежной. Все эти иноземные влияния ограничивались юго-восточными областями долиной Гвадалquivира и ускоряли их социальную эволюцию. Одним из ее результатов было образование царства тартесситов, что обуславливалось внутренним развитием племен, но было ускорено контактами с греческими и финикийскими колонизаторами.

К моменту римского завоевания существовало большое различие между племенами Иберийского полуострова. Для обитателей юга жители северных областей были более чужды, чем греки, карфагеняне и римляне. В развитии племен действовали как внутренние причины, так и внешние связи, между прочим, и с пришедшими с Пиренеев кельтами. Изучение народов доримской Испании может сконцентрироваться на их локализации, их этнической и языковой характеристике. Другой путь — исследование их экономической, социальной и политической организации. Последний путь автор считает более перспективным, тем более что определение территорий отдельных племен, часто еще кочевых или полукочевых, вряд ли возможно.

Он указывает на большую разницу между иберийскими племенами, обитавшими на южном побережье, и занимавшими внутренние области страны кельтиберами и кельтами. Первые обладали самыми богатыми землями и активно торговали не только с иноземцами, но и с племенами внутренних частей полуострова, а также с Британией. Их главные ресурсы — земледелие, скотоводство, добыча и продажа металлов. Каковы были формы собственности на рудники и какой там применялся труд, неизвестно. Но, видимо, в первую очередь там трудились рабы. Из сельскохозяйственных культур известны зерновые, виноградники, оливки. Здесь, видимо, также большую роль играл рабский труд, применявшийся в хозяйствах крупных собственников. Широко практиковалось соленье рыбы и мяса, вывозившихся за пределы страны. Ввозились ремесленные изделия, в основном предметы роскоши. Общество было уже разделено на классы. Правящий класс состоял из собственников крупных имений и рудников-

богатых торговцев и судовладельцев. По преданию, уже легендарный царь Тартесса Габис разделил население на сословия. Об остальных классах, кроме рабов, сведений нет. Возможно, большая его часть находилась в зависимости типа илотиин. О наличии такого рода зависимости свидетельствует знаменитая надпись Эмилия Павла от 189 г. до н. э. Она показывает, что некоторые города находились в зависимости от других городов и жители первых по своему положению приближались к рабам. Наряду с такой зависимостью существовало и рабство в его классической форме. Типичной формой поселения здесь были города. Значительная часть их представляла собой простые крепости, но были и большие города, быстро ассимилированные римлянами: Гиспалис, Кордуба, Кармона и др., не считая городов, основанных греками и финикийцами. Городами, одним или несколькими, правили цари. Кроме того, существовали сенаты, народные собрания, магистраты, что наряду с римским завоеванием устранило монархию.

На восточном побережье больше чувствовалось влияние греков, а не финикийцев. Здесь также возделывались зерновые, виноград, оливки, лен, частично экспортировавшиеся. Металлом этот район был беднее, чем юг. Рабский труд и здесь уже был распространен. Деление на классы существовало в греческих городах. В этой области преобладали города-республики с народным собранием, сенатом и магистратами. Правда, кое-где есть свидетельства о царях, но, скорее всего, то были выборные военные предводители, не имевшие большой власти. В теперешней Каталонии основной формой поселения были небольшие деревни. В центре и на западе жили кельтские племена, наиболее упорно сопротивлявшиеся Риму, самые значительные из них — лузитаны, кельтиберы, вакцеи и др. Все они были организованы по племенам и кланам и имели укрепления, некоторые из которых представляли зародыши городов. Население занималось земледелием и скотоводством, последнее преобладало у кельтиберов, лузитанов и веттонов. Широкое распространение получила общинная собственность на землю, а у некоторых племен и на продукты земледелия. Так, например, у вакцев был ежегодный передел земли, продукты они хранили в общих складах, откуда каждый член общины мог их получить. Такие склады найдены при раскопках. Земли, целиком отведенные испанским племенам центральной части полуострова (палентинам из народа вакцев и сальмонтинам из народа веттонов), упоминаются агрименсорами. У некоторых племен уже выделилась богатая родовая знать, владевшая обширными пастбищами для овец и торговавшая шерстью. Углубление социального неравенства сказывалось в том, что малоземельные обращались к разбою или поступали в солдаты. У некоторых племен родовая организация начинала разлагаться и возникали не основанные на родстве клиентские связи. Особенно были тесны связи рядовых воинов с военными вождями. Управлялись племена народным собранием, сенатом, магистратами. У некоторых были цари и выборные военные вожди. Иногда между народным собранием и советом старейшин возникали разногласия. Племена заключали между собой соглашения, иногда на основах равенства, иногда — зависимости более слабого племени от более сильного, принимавшей форму клиентеллы. Наиболее слабо развиты были племена, обитавшие на севере, — галаики, астуры, кантабры, васконы и др. Их экономика была очень примитивна, они едва знали земледелие, но уже знали скотоводство. Хозяйством занимались женщины, что обуславливало их высокое положение. Социальная организация базировалась на кровнородственных связях племен и кланов, именовавшихся в римское время центуриями. Во главе их стояли вожди — принцепсы. Некоторые племена вели полукочевой образ жизни, но уже имели укрепленные убежища. Архаизм их социального строя отразился, между прочим, в общих трапезах, ритуальных танцах и т. п. М. Бихиль подчеркивает, сколь разнообразны были экономические, социальные и политические отношения в Испании к началу римского завоевания. Легче оно шло в наиболее развитых районах, уклад жизни которых приближался к античному. Политический строй — монархия или республика — в этом плане роли не играл. Доримские формы организации населения имели решающее значение в процессе романизации, и разница между отдельными районами оставалась и при римском господстве. Юго-восточные области с развитой еще до Рима городской жизнью отличались от северо-западных областей, где господствовала племенная организация,

и их дальнейшее развитие шло разными путями. То же различие обуславливало более или менее стойкое сопротивление завоевателям. Историки обычно придавали большое значение романизации Испании, описывая различные ее проявления. Но большинство таких проявлений относится к областям с высоким развитием культуры и политико-юридической организации. Однако ими объяснить романизацию нельзя. Она была результатом изменения базисных структур, вызвавшим изменения в различных институтах и культуре. Чтобы понять феномен романизации, следует исходить из форм социальной организации, как римской, так и туземной. Соотношение тех и других породило особую форму, которую приняло испанское общество в римскую эпоху, когда доминировал римский элемент или, вернее, элементы, определявшие общественную формацию античного мира. На юге и востоке многие из этих элементов существовали до римского завоевания, укрепившего их и давшего возможность отождествить туземные социальные, политические и юридические институты с римскими. Процесс романизации не был единым для всего полуострова. Римские элементы по-разному прививались в разных районах, и поэтому различной была динамика взаимодействия римских и туземных форм. Вместе с тем испанское общество развивалось в связи с эволюцией всей Империи, так как оно составляло ее часть. Культурная романизация была более или менее гомогенной, ибо носителем ее был господствующий класс, который стал частью господствующего класса Империи. Однако даже и в этом плане романизация северных и западных районов была очень поверхностной. Об этом свидетельствуют тамашние произведения искусства. А поскольку искусство всегда отвечает вкусам господствующих классов, то, видимо, романизация этих районов была неглубока. Но и в тех районах, где господствующий класс был достаточно романизован, в широкие массы античной культура не проникала. Мощным орудием идеологического воздействия был императорский культ. Возможно, что в Испании для его распространения использовались местные традиционные отношения к верховному вождю, преданность ему, основывавшаяся на религиозных представлениях.

Завоевание Римом Испании было результатом его стремления эксплуатировать захваченные территории. Рим нуждался в рабах для сельскохозяйственного и ремесленного производства, а также в металлах. Римские командиры и дельцы имели много способов нажиться, эксплуатируя местное население.

Периодом завоевания обычно считается время с 218 по 19 г. до н. э., подчеркивается сила сопротивления народов Испании римлянам, завоевывавшим другие страны гораздо легче. Однако следует учитывать, что население Испании не было чем-то единым и однородным. Одни города и племена покорялись быстрее, другие — медленнее. Кроме того, война не длилась непрерывно в течение всех этих лет. Методы, применявшиеся римлянами для подчинения племен, были различны — от истребления непокорных до политики ассимиляции местного населения. Они использовали конфликты между племенами и внутри племен, заключали договоры с отдельными военными вождями, ставя их в положение своих клиентов.

В первый период завоевания в ходе II Пунической войны римляне приобрели самые богатые юго-восточные территории, жители которых, тесно связанные со средиземноморской торговлей, охотно признавали их власть, открывавшую для них в этом смысле большие возможности. Вторая фаза завоевания ознаменовалась войнами с кельтиберами и лузитанами. Целью римлян было овладение ресурсами этих районов и особенно рудниками, однако они сталкивались с сопротивлением племен, находящихся на стадии родового строя и более или менее ясно сознававших, что подчинение римлянам поведет к полному изменению их жизненного уклада. Римляне всячески старались привлечь на свою сторону родо-племенную знать. Часть ее, входившая в советы старейшин, стояла за соглашение с Римом, народные собрания — за войну. Иногда беспорядки внутри племен, вызванные аграрной проблемой, давали римлянам предлог вмешаться. Последний период завоевания — войны с астурами и кантабрами при Августе. Эти войны были составной частью политики Августа по расширению территории Империи до естественных границ. Кроме того, его привлекала возможность завладеть новыми, богатыми металлом территориями.

В Испании римляне получали огромные доходы и в драгоценных металлах и благодаря эксплуатации рабов, так как в рабство продавались восставшие против римлян. Таковых за все время завоевания Испании было несколько сотен тысяч.

Романизация Испании началась уже в период завоевания. Ее основным фактором было распространение городов античного типа, античных гражданских общин, территория которых была частично собственностью города, частично его отдельных граждан. Кроме частной собственности в тесной связи с нею развивалось денежное обращение, торговля и соответственно товарное производство. Наконец, важным признаком античного города было использование рабского труда, хотя сохранялся и труд свободных. Римляне для умиротворения племен и вызванного малоземельем разбоя раздавали земли племенам, сложившим оружие или спустившимся с гор. Это приводило к изменению формы собственности и системы земледелия. Случаев раздачи земли туземцам было немало. Иногда раздел земли между соплеменниками приводил к возникновению города, что способствовало развитию частной собственности и других элементов античного города. Затем следовало дарование римского гражданства, главным образом местной знати. Она и до римского завоевания составляла правящий класс и осталась таковой и под властью Рима. Параллельно шло расселение в городах римских колонистов, что также вело к изменению образа жизни в направлении преобладания античного элемента: развитие частной собственности на землю, денежного обращения, рабства, товарного хозяйства и распространение соответствующей такому базису античной культуры. Наиболее разительные изменения произошли там, где господствовали ранее противоположные античным родо-племенные отношения. Перемены выражались в замене общинной собственности частной. Они сопровождались освоением новых земель, улучшением земледельческой техники и распространением рабства, которое до римского завоевания было лишь в южных и восточных районах. Разложению родо-племенных групп способствовало и внедрение римской фамилии. Однако во многих случаях изменения носили частичный и поверхностный характер, туземные формы сохранялись, лишь отчасти модифицированные римским влиянием.

Одним из результатов римского завоевания было увеличение численности населения, между прочим, за счет притока колонистов. Вместе с тем, как видно из надписей, имела место большая подвижность населения, особенно на юге и востоке, где скапливалось население со всего полуострова. Сельское население северо-западных областей редко переселялось в города, видимо, мало влиявшие на их образ жизни. Некоторые переселялись в районы рудников. Движение населения было интенсивнее в наиболее романизованных областях, и переселенцы носили там римские имена. Передвижение стимулировалось прекрасной сетью дорог, запланированной еще Августом. Дороги соединяли рудники и административные центры с побережьем и должны были обеспечить развитие экономики полуострова и его эксплуатацию.

Вообще автор замечает, что в современном изучении античной экономики основное внимание уделяется торговле и значительно меньше — производству. В значительной мере это обусловливается состоянием источников, которые не дают возможности выделить экономику в чистом виде при помощи статистических данных, так что приходится изучать социально-экономическую, а не просто экономическую историю. В частности, для изучения экономической организации римской Испании следует учитывать главные источники и богатства в данном районе, формы собственности на природные богатства и изменения в этих формах, способы производства с их вариантами и эволюцией и, наконец, способы распределения продукции. В римскую эпоху существовали различные экономические формы, как свойственные народам Испании до римского завоевания, так и обусловленные распространением типично римских форм, долгое время бывших доминирующими.

Источниками богатства были продукты земледелия и скотоводства, металлы. Зерновые, вывозившиеся в Италию, были распространены на всем полуострове, за исключением севера. Широко экспортировалось оливковое масло. Почти во всей Испании разводили виноградники, а в некоторых районах лен. Применялось известное и до римлян искусственное орошение. В некоторых районах развивались овцеводство

и коневодство. Одним из самых прибыльных занятий была эксплуатация рудников. Как видно, из Испании на рынок поступало в основном сырье, а не продукты ремесла. Еще одним источником богатства Испании были ее рабы, которых высоко оценивал Плиний Старший.

Основной экономической базой городов были их земли. Их распределяли по особым нормам. Это было необходимо для поддержания города, как политической и экономической целостности. Чрезмерный рост частной собственности и возникновение латифундий на территории городов сдерживались запрещением продажи общественных земель и сдачи их в долгосрочную аренду. Такая политика способствовала преобладанию имений более или менее равных] размеров, находившихся в руках городской олигархии. Большие латифундии существовали в Испании во времена республики, но подробностей о них мы не знаем. Тогда же частные лица эксплуатировали рудники, впоследствии перешедшие к императорам. В период Империи сократились и крупное землевладение, так как земли крупных собственников конфисковывались при Цезаре и Августе и раздавались колонистам и туземцам. В ремесле Испании не имела особой специализации, за исключением восточных районов, где производились льняные ткани, долины Эбро, известной производством оружия, и Бетики, где население занималось тканьем из шерсти и солением. В ремесле были заняты рабы, но существовали и свободные ремесленники. Крестьянство, достаточно многочисленное, несмотря на распространение рабовладельческих вилл, само изготовляло все необходимое, не прибегая к рынку. Самоудовлетворяющимися были и латифундии, где земледелие сочеталось с ремеслом, так что ремесленники, работавшие на продажу, концентрировались в городах и обслуживали горожан. Организация торговли известна не очень хорошо, хотя несомненно, что торговля была высоко развита. Большие коммерческие суда курсировали между портами Испании и Италии. Широко распространилась чеканка монеты. До римского завоевания монету чеканили только крупнейшие греческие и финикийские города, после завоевания — города в долинах Гвадалквивира и Эбро. Затем автономная чеканка сокращается и совсем исчезает при Клавдии. Основной денежной единицей становится денарий. Однако денежное обращение, как и городская жизнь, частная собственность на землю и рабство распространяются не всюду. Но во многих районах все эти институты оказывали значительное влияние на правящие группы местных племен и содействовали укреплению их власти над соплеменниками.

Социальные основы античной организации оказались подорванными в эпоху кризиса III в. Возникли новые социально-экономические отношения, ставшие доминирующими в эпоху Поздней империи и обусловившие ее падение и возникновение феодального общества. Новое состояло в упадке городов и росте крупного землевладения, независимого от городов и основывавшегося на труде колонов. Рабство исчерпало свои производственные возможности, что и привело к упадку городов. Упадок этот ускорялся ростом латифундий, возникавших разными путями, между прочим, и за счет присвоения племенной знатью общественных земель, принадлежавших общине в целом. Интересы земельных магнатов и городских землевладельцев были часто прямо противоположны, что вело к социальным и политическим конфликтам III в. Соответственно стала распространяться идеология, в первую очередь религиозная, шедшая вразрез с официальной идеологией, подтверждением чему служат успехи христианства.

Наличие в Испании латифундий с жившими по селам колонами подтверждается данными археологии и топонимики. Раскопки подтверждают и запустение городов, за исключением крупных торговых и административных центров, главным образом на юге и востоке. Что касается исследования социально-экономической структуры испанского общества, то при изучении ее классов следует учитывать элементы экономические, политико-юридические и идеологические. Как и во всем античном мире основными группами в Испании были рабы и свободные. Деление людей на рабов и свободных — юридическое деление, но оно отражало разделение между физическим и нефизическим трудом, что представлено и в идеологии правящего класса, презиравшего физический труд и делившего мир на духовный и материальный. Но структура общества была гораздо сложнее, чем деление на свободных и рабов. Хотя по отношению

к рабам свободные составляли некую господствующую целостность, внутри них существовала дробная стратификация и противоположность интересов. Рабы, если принимать во внимание их образ жизни, тоже не были гомогенны. Их положение определялось выполняемой работой и местом их господина в социальной иерархии. Типичная для Рима социальная структура сложилась в наиболее романизованных и урбанизированных районах Испании. Местная знать частично вошла в высшие римские сословия. Вышедшие из Испании сенаторы были тесно связаны с Римом, хотя имели на родине обширную клиентеллу. Гораздо более тесные связи с родными городами сохраняли испанцы-всадники, происходившие, как и сенаторы, из наиболее романизованных районов. Вместе с декурионами они составляли экономически и политически господствующий класс крупных земле- и рабовладельцев. Декурионы составляли муниципальную олигархию, осуществлявшую реальную власть. Как можно судить по их дарственным надписям, многие из них были очень богаты. Аристократия испанских городов включала в себя большой процент туземной знати, вошедшей в состав муниципальной олигархии. Значительный слой в городах составляли отпущенники, часто располагавшие большими средствами. Велико было число свободных плебеев, занятых в ремесле и сельском хозяйстве. Крестьянство жило в селах, расположенных на городской территории. Рабов больше всего было в романизованных областях, как можно судить по надписям рабов и отпущенников. Возрастание числа надписей, повествующих о дарениях городам и плебсу, свидетельствует о росте числа неимущих свободных, не втянутых в провозводство. Это было симптомом кризиса городов и обеднения сословия декурионов. Из их рук господство переходит в руки крупных землевладельцев-сенаторов, в число которых попадали теперь многие представители местного населения. Соответственно меньшее значение приобретали рабы, с которыми все более отождествлялось свободное простонародие. В период Поздней империи основными классами становятся крупные землевладельцы и колонны. Классовая борьба идет между ними. Складывается предфеодалный строй. О феодализме в Поздней империи говорить еще нельзя, так как новые отношения еще не отразились на характере государственного строя и политико-юридических нормах, сложившихся в период Ранней империи.

В областях к северу от Таго родо-племенные отношения продолжали жить, о чем свидетельствуют довольно многочисленные надписи с упоминанием племен, кланов и центурий. То, что надписи делались на латинском языке, не говорит о глубокой романизации. Авторы соответствующих надписей обычно указывали свое имя, имя клана, к которому они принадлежали, и имя отца. Последнее иногда опускалось, так как принадлежность к клану была важнее семейных отношений. Некоторые из авторов надписей носили римские имена и были римскими гражданами, что не мешало им принадлежать к туземным кровнородственным группам. За время римского господства такие группы стали идентифицироваться с принадлежавшей им территорией, с селами. Городская организация в этих районах, хотя и там существовали города, прививалась слабо. Римское влияние тем не менее сказывалось, что заметно, например, в надписи от 239 г. из Сегисамо, где отпущенники клана носят имя Публициев, как отпущенники городов. Живучесть родо-племенной организации показывает, что в этих районах не складывались базисные элементы античного города. Такие слабо романизованные области впоследствии оказывали сопротивление вестготам, и первыми начали сопротивляться арабам. Некоторые такие туземные группы сохраняли известную автономию и управлялись своими принцепсами, через которых римляне включали эти племена в общую систему управления Испанией. В том же направлении действовало превращение в фискальные единицы племен, наделявшихся землей как единое целое. Но даже и проводившееся иногда римлянами распределение земли между членами племени не всегда приводило к изменению в их образе жизни. Соотношение между живучестью местных институтов и римского влияния можно проследить по договорам о *hospitium* между общинами или между общиной и отдельными лицами. В самых ранних из них имена как магистратов, так и лиц, заключавших договор, туземные. Несколько позже кроме магистратов появляется в тексте и сенат племени. Утрачивается равенство между договаривающимися сторонами. Более слабые племена становятся

клиентами более сильных. Понятие союза племен начинает выражаться в римском термине дарования гражданства в одном племени членам другого племени. В одной более поздней таблице участниками договора являются римские граждане, а утверждают его не местные, а римские магистраты. Договор по существу выражает поступление племени в клиентеллу римского всадника. Вмешательство римских властей постепенно возрастает, хотя туземные организации по племенам и кланам сохранялись.

Различие между отдельными районами Испании отмечает Плиний. Он говорит о городах разного статуса в Бетике. В Тарраконской Испании различие между отдельными районами очень велико. В некоторых из них городская жизнь была развита не менее, чем в Бетике, в других — города отсутствовали и преобладала племенная организация. То же самое имело место и в Лузитании. Однако римские формы жизни влияли на племена. У них появились народные собрания, сенаты, магистраты. Если такая группа получала городской статус, члены местного сената автоматически превращались в декурiones, магистраты — в дуумвиров. Племенная группа становилась римской муниципальной организацией. Такие муниципии возникали по всему полуострову, но на севере они разлагали местную племенную организацию. В менее романизированных районах имели место многочисленные крестьянские движения, особенно в Поздней империи, когда они выступали в качестве оппозиционных официальной церкви еретиков.

Многочисленны в Испании и надписи выходцев из других частей Империи, концентрировавшихся в основном в Тарраконе, Кордубе, Эмерите. Видимо, большая их часть занималась торговлей или ремеслом. В наиболее развитых городах в III в. появляются и первые христианские общины. Как показывают акты Эльвирского собора, к началу IV в. они были уже достаточно многочисленны и христианство становилось социальной силой.

В книге М. Бихиля особое внимание отводится родо-племенным организациям Иберийского полуострова и их соотношению с римскими институтами. В этой связи следует отметить и его совершенно правильное понимание романизации не как культурного, а как социально-экономического явления. Автор очень убедительно показал, что глубоко романизированными становились лишь те районы, где уже раньше существовали предпосылки развития основных черт античного города. Там же, где были сильны постепенно превращавшиеся в территориальные родо-племенные общины, романизация затрагивала лишь племенную знать, которая, приближаясь к римскому правящему классу, тем более укрепляла свои позиции среди соплеменников. Наблюдения М. Бихиля лишней раз показывают тот подтверждаемый и другими новыми трудами по истории римских провинций факт, что развитие античной гражданской общины, т. е. античного города, было обратно пропорционально прочности кровно-родственных и территориальных сельских общин, которые сперва стойко сопротивлялись римскому завоеванию, а затем проникновению тех элементов, которые М. Бихиль совершенно справедливо считает определяющими для античного города. К этим элементам принадлежит и рабство в его античной форме. Упомянутый феномен заслуживает специального детального изучения, которое должно дать ответ на вопрос, чем античный город, являвшийся, по-видимому, в большинстве случаев разновидностью территориальной общины, отличается от других кровнородственных и территориальных общин, почему в некоторых отношениях он им прямо противоположен и может развиваться лишь там, где туземные родо-племенные и сельские общины были если и не уничтожены, то, во всяком случае, сильно ослаблены.

Правильно, с нашей точки зрения, трактует М. Бихиль причины кризиса III в. как исчерпание возможностей дальнейшего роста производительности труда и как конфликт между муниципальными землевладельцами, декурionsами и крупными, стоящими вне городской организации земельными собственниками. Жаль только, что, отметив для III—IV вв. увеличение числа сенаторов из туземной знати и превращение договоров о союзе между племенами или племенами и отдельными высокопоставленными лицами в договоры о патронате и клиентелле, он не связал этот факт с ролью местного, слабо романизированного населения в зарождении феодальных отношений.

Между тем эта роль, видимо, была немалой. В тех районах, где античные рабовладельческие отношения были менее сильны и преобладали общины и владения земельных магнатов, более прямо и непосредственно развивались элементы феодального способа производства, вырвавшиеся, между прочим, и из исконных клиентских связей рядовых соплеменников с родо-племенной знатью. Для первых ставший сенатором, всадником или декурионом, туземный принцепс продолжал оставаться главой рода, клана, племени, а его новое звание еще более усиливало его престиж и реальную власть. Роль племен и народов Империи, еще сохранявших свой старый уклад жизни в формировании феодальных отношений, исследована далеко не достаточно и сплошь да рядом вообще остается вне поля зрения историка, считающего, что синтез античного и варварского начался только после варварских завоеваний. М. Бихиль, правда, в такой плоскости вопроса не ставит, но работа его содержит много данных, позволяющих его поставить и в какой-то мере разрешить, привлекая сравнительный материал из других провинций.

Несколько преувеличенной представляется мысль М. Бихиля об огромном экспорте рабов из Испании. Конечно, в ходе завоевания Испании и подавления антиримских восстаний большое число испанцев было продано в рабство. Однако неизвестно, какой процент их был выкуплен или отпущен на свободу (как то делал, например, Сципион Эмилиан, надеясь привлечь симпатии туземцев). Чтобы судить о числе рабов испанского происхождения, следовало бы выявить рабов-испанцев по надписям из других частей Империи, как то сделал, например, А. Фолл для выявления числа рабов-фракийцев. Тогда можно было бы с известной долей вероятности ответить на вопрос о том, много ли рабов-испанцев поступало на рабские рынки. Следовало бы по возможности учесть и источники рабства. Туземцы могли стать рабами по разным причинам, например из-за задолженности, самопродажи и т. п. Число рабов, несомненно, пополнялось и за счет естественного воспроизводства. Такие источники рабства следовало бы рассмотреть наряду с ролью войн.

Недоумение вызывает утверждение, что основными классами античного мира, и в частности Испании, были рабы и свободные, хотя автор и оговаривает, что как те, так и другие не были гомогенны. Всех свободных никак нельзя считать одним классом, противостоящим рабам. Деление на рабов и свободных носило юридический характер. Оно указывает на наличие сословий или классов-сословий, но не классов как таковых. Классами можно считать не рабов и свободных, а рабов и рабовладельцев, причем и те и другие состояли из разных слоев и групп. Сомнительна мысль М. Бихиля о том, что разделение на рабов и свободных возникло из разделения труда на физический и нефизический. Презрение к физическому труду действительно было результатом развития рабства, но в низших слоях свободных такого презрения не было, а близкие народу кичники считали простой труд очищающей силой. Занятие земледелием, за некоторыми исключениями (например Саллюстий), пользовалось общим уважением. Катон трудился в поле со своими рабами, а Музоний Руф считал занятие земледелием весьма подходящим для философа, жаждущего слияния с природой.

Очень жаль, что автор почти не уделил внимания идеологии, особенно туземным культам, анализ которых может дать дополнительный материал о жизни пероманизованного населения.

Несмотря на эти отдельные замечания, книгу можно признать очень полезной для всякого занимающегося историей римских провинций и особенно синтезом римских и туземных отношений и институтов и влиянием такого синтеза на историю как отдельных провинций, так и Римской империи в целом.

Е. М. Штаерман